

ЕЛИЗАВЕТА САМБУРСКАЯ

**Влияние
Лили Брик на творчество
В. В. Маяковского**

Елизавета Самбурская

**Влияние Лили Брик
на творчество В. В. Маяковского**

«Издательские решения»

Самбурская Е. М.

Влияние Лили Брик на творчество В. В. Маяковского /
Е. М. Самбурская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854281-7

Лили Брик — великая женщина XX века. У нее была немислимо тяжелая жизнь, но, несмотря на все преграды, она внутренне не сломалась, потому что безмерно верила в себя и ни на кого не обращала внимания. Благодаря такому независимому характеру в нее влюблялись и сходили с ума десятки мужчин. Не стал исключением и Владимир Маяковский. В данной книге исследована степень влияния Лили на Щена. Знали бы мы Владимира Маяковского без Лили Брик?

ISBN 978-5-44-854281-7

© Самбурская Е. М.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
1 Три судьбы	7
1.1 Детство Лили и Владимира	7
1.2 Аборт в Армавире	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Влияние Лили Брик на творчество В. В. Маяковского

Елизавета Михайловна Самбурская

© Елизавета Михайловна Самбурская, 2017

ISBN 978-5-4485-4281-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

«Надо внушить мужчине, что он замечательный или даже гениальный, но что другие этого не понимают», – говорила Лилия Брик. – И разрешать ему то, что не разрешают ему дома. Например, курить или ездить, куда вздумается. Ну а остальное сделают хорошая обувь и шелковое белье».

История любви Владимира Маяковского и Лилии Брик – одна из тех историй, которые вызывают смесь любопытства и недоумения. Здесь намного больше вопросов, чем ответов. Какие только эпитеты не приклеивали к любви, случившейся между Маяковским и Лилей Брик. Сумасшедшая, ненормальная, больная, маниакальная, развратная и так далее. Но она была! И, может быть, только благодаря ей Маяковский написал лучшие свои стихи, ведь почти все они в первые годы после знакомства с Лилей были посвящены именно ей. Их отношения были далеко непростыми. Эти «больные» отношения помогали поэту, так искренне писать и жить, что уже не первое поколение людей зачитывается его стихами и удивляется, откуда появились эти поистине фантастические слова, заставляющие сердца замирать от восхищения. Лилия Брик была своего рода психостимулятором для Владимира Маяковского.

Смогла бы стать для Маяковского вдохновительницей другая женщина, не такая, как Лилия Брик? Покладистая, уступчивая, домашняя, такая, рядом с которой ему было бы просто хорошо и уютно, такая, которая не ставила бы ему условий, соглашалась с ним во всем? Однозначно нет. Маяковскому нужны были страсти. Он и сам об этом говорил. В его понимании любовь – это муки ревности, недоверия, постоянные переживания и боль. Так понимал поэт любовь. Такое чувство могла подарить ему только Лилия. Каждое событие, которое происходит с нами в жизни, так или иначе влияет на то, какими мы становимся. Лилия была самым важным «событием» в жизни Маяковского. Благодаря ей он стал великим поэтом.

1 Три судьбы

1.1 Детство Лили и Владимира

Лили Юрьевна Каган родилась в Москве 11 ноября 1891 года. Выбрать столь необычное для России имя отцу помогла книга о Гёте, которую он читал в то время, когда дочь появилась на свет, – одну из возлюбленных немецкого поэта звали Лили Шенеман.

Отец Лили Юрий (еврейское имя Урий) Александрович Каган (1861—1915) родился в еврейской семье в Либаве, столице Курляндии. Семья была бедной, без средств на образование. Поэтому он отправился – пешком! – в Москву, где выучился на юриста. Поскольку карьерные возможности евреев в царской России были крайне ограничены, вести адвокатскую практику Юрий Александрович не смог, и в суде его представляли коллеги-неевреи. Возмущенный этой несправедливостью, он стал специализироваться на «еврейском праве», в частности, вопросах поселения. Он также работал юридическим советником при австрийском посольстве.

Мать Елена Юльевна (в девичестве Берман, 1872—1942), родом также из Курляндии, из Риги, выросла в еврейской семье, в которой говорили на немецком и русском языках. Обладающая выдающимися музыкальными способностями, она обучалась игре на фортепиано в Московской консерватории. То, что Елена Юльевна не сделала профессиональную карьеру, к которой была предрасположена, объясняется, однако, не ее происхождением, а тем, что во время учебы она вышла замуж и диплом так и не получила. «Все свое детство я вспоминаю под музыку, – рассказывала Лили. – Не было вечера, когда я без нее заснула. Мама, прекрасная музыкантша, играла каждую свободную минуту. В гостиной у нас стояло два рояля, на которых играли в восемь рук, и долгие периоды времени почти ежедневно устраивались квартеты». Елена Юльевна обожала Вагнера и часто ездила на фестиваль в Байрейт. Среди прочих любимых композиторов были Шуман, Чайковский и Дебюсси.

Музыкальные способности передались и дочери. «Когда мне не было еще и года, меня считали музыкальным вундеркиндом», – вспоминает Лили¹. С шести лет мать начала давать ей уроки, в результате чего дочь возненавидела музыку – такая реакция девочки была следствием чувства самостоятельности, весьма развитого для ее возраста: она не выносила никакого внешнего принуждения. Даже профессиональному педагогу не удалось изменить ее настрой. В конце концов Лили призналась, что проблема была не в учителе, а в инструменте, – и потребовала, чтобы ей разрешили играть на скрипке. Занимаясь как одержимая, она достигла значительных успехов благодаря преподавателю Григорию Крейну – и несмотря на сопротивление отца («Сегодня скрипка, завтра барабан!»). Но едва Юрий Александрович в виде жеста примирения подарил ей на день рождения скрипичный футляр, пыл погас, а скрипка ей «зверски надоела». Здесь просматривается другая характерная для Лили черта: она легко вдохновлялась и так же легко теряла интерес, ей все «надоедало». Она постоянно нуждалась в новых стимулах.

В октябре 1896 года, когда Лили было пять, родилась сестра Эльза. С детства сестры говорили по-французски, по-немецки и играли на рояле. Обе были очаровательны.

«Как-то ранней весной я шла с дочерьми по Тверскому бульвару, – вспоминала Елена Юльевна. – А нам навстречу ехал господин в роскошной шубе. Он остановил извозчика и воскликнул: «Боже, какие прелестные создания! Я бы хотел видеть вас вместе с ними на моем спектакле. Приходите завтра к Большому театру и скажите, что вас пригласил Шаляпин. Мы

---

¹ Стр. 40 Бенгт Янгфельдт «„Я“ Для меня мало Революция/любовь Владимира Маяковского»

воспользовались приглашением, и для нас были оставлены места в ложе. Вот такая была удивительная встреча²».

У Лили были огромные глаза и ярко-рыжие волосы. Она была с норовом, самостоятельная, родители ее обожали. В гимназии преуспевала, особенно по математике, и сразу же не захотела быть «как все». Схватила ножницы и отрезала себе косы – к ужасу родителей. (А в старости наоборот: в восемьдесят пять лет заплетала косу – к восторгу почитателей.) Эльза же была красивая, белокурая, голубоглазая девочка, очень послушная и смиренная. Обе учились в гимназии на Покровке. Сестры любили друг друга всю жизнь, но старшая верховодила уже с детства.

Когда девочки были еще маленькие, мама повела Лилию с Эльзой в театр. На сестер большое впечатление, произвела волшебница, которая поднимала палочку, говорила: «Кракс!» и превращала детей то в кошку, то в елку. Этот трюк особенно понравился восьмилетней Лиле.

– Эльза, принеси мне яблоко из столовой.

– Пойди сама.

– Что?!

Лилия брала отвалившуюся завитушку от буфета, поднимала подобно волшебнице, и Эльза понимала, что сейчас прозвучит «Кракс!», что она превратится в котенка, и сломя голову бежала за яблоком.

– Эльза, закрой занавеску.

– Не хочу

– Не хочешь!?

Лилия хватала завитушку, и Эльза бросалась, задерживать штору.

Конец этому рабству положила мама. Видя постоянно испуганную Эльзу, она выпытала у нее, в чем дело, и Лиле здорово влетело.

В спальне их кровати стояли рядом, и как только гасили свет, сестры начинали шептаться – играть, сочинять роман или пьесу. Действующие лица были поделены пополам, за одну половину разговаривала Эльза, за другую – Лилия. Действовали княгини, графини, князья и бароны с красивыми фамилиями. Причем красивыми им казались Соколовы, Орловы, Синицыны – от слов «сокол», «орел» и т. п. Ситуация никогда не повторялась, герои учились, болели, женились, все поголовно занимались искусством. Девочки ссорились из-за того, что Лилия забирала себе самые эффектные фамилии и самое красивое искусство. Звучала игра так: «Тогда княгиня Оболенская надела платье из бледно-абрикосового муара, все вышитое с натуры осенними листьями, на голову она приколола венок из чайных роз и пошла на концерт, на котором должна была петь певица Тамара Валентиновна Орлова. А теперь ты говори, что было дальше».

Так они шептались несколько лет. Но однажды Лилия сказала Эльзе, что больше никогда не будет играть. Детство кончилось, и Соколовы, Орловы и Синицыны остались лишь не страшицах Лилиного дневника – вместе со своими вышивками «прямо с натуры».

Зимой 1905 года вспыхнула первая русская революция, и протесты против царского режима распространились и среди школьников. Лили и ее товарищи устраивали дома и в гимназии встречи, требовали свободы Польше и организовали курсы политэкономии. Курсы продлились недолго: вскоре в Москве ввели чрезвычайное положение, в семье Каган занавешивали окна одеялами и старались не выходить на улицу. Юрий Александрович спал, положив на тумбочку пистолет. Как и все евреи, они оказались в особо уязвимом положении, и когда однажды до них дошли слухи о предстоящем погроме, семья переехала в гостиницу, где провела две ночи.

---

² Стр.10 В. В. Катанян «Лили Брик. Жизнь»

Примерно в то время как Лиля начала учиться в гимназии, которая размещалась на Покровке, на далеком Кавказе крупный глазастый мальчик со своим отцом объезжал горные леса, преодолевая туманные перевалы. И отца, и сына звали, одинаково – Владимирами, а фамилия их была Маяковские. Мальчик родился в 1893 году в селе Багдади, в семье лесничего, высокого, широкоплечего, черноволосого человека. Лицом сын был похож на мать – кареглазый, с каштановыми волосами, а сложением, манерами – на отца. У Володи были еще две старшие сестры – Люда и Оля. Жизнь семьи протекала в трудовой, полной забот обстановке.

И пока Лиля и Эльза играли гаммы на рояле, Володя, набив фруктами карманы, валялся на берегу горной речушки и зачитывался Жюлем Верном и «Дон Кихотом» – грамоте его обучили «всякоюродные сестры». Чтобы мальчик мог поступить в гимназию, семья переехала в Кутаис. Володя увлекался рисованием, и единственный в городе живописец, видя его способности, занимался с ним бесплатно. Родные были уверены, что мальчик станет художником.

Но в 1906 году относительное благополучие семьи кончилось – умер отец. Он укололся иглой, подшивая бумаги, и скончался от заражения крови. С того дня и до конца жизни у сына развилась маниакальная страсть к чистоте. Нося в кармане пиджака портативную мыльницу, он при всяком удобном случае будет мыть руки, поливать их одеколоном и всюду тщательно протирать посуду, опасаясь инфекции.

Осиротев, семья переехала в Москву, не имея ни родных, ни связей, ни денег. Сняв квартиру, мама пустила жильцов «с обедами», на что Маяковские жили, разумеется, скудно.

1.2 Аборт в Армавире

Лили легко давалась математика, и в 1908 году она окончила гимназию с наивысшей отметкой пять с плюсом. «По окончании гимназии я собралась на курсы Герье, на математический факультет. Я так блистательно сдала математику на выпускном экзамене, что директор вызвал папу и просил его не губить мой математический талант».

Поскольку евреек не принимали на курсы Герье без аттестата зрелости, Лили поступила в Лазаревский институт, где на сто мальчиков приходилось всего две девочки, из которых одна, по отзывам Лили, была «совсем некрасивая».

Отец Лили был знаком с ректором Лазаревского института, но своим успехом у преподавателей-мужчин Каган была обязана вовсе не отцу. Несмотря на то что Лили не была в строгом смысле красавицей – у нее, к примеру, была непропорционально большая по отношению к телу голова, – уже в юные годы она обладала магической притягательностью для мужчин всех возрастов, они влюблялись в ее огромные темные глаза и ослепительную улыбку. Пожалуй, никто не описал внешность и склад ума Лили лучше, чем ее родная сестра: «У нее был большой рот с идеальными зубами и блестящая кожа, словно светящаяся изнутри. У нее была изящная грудь, округлые бедра, длинные ноги и очень маленькие кисти и стопы. Ей нечего было скрывать, она могла бы ходить голой, каждая частичка ее тела была достойна восхищения. Впрочем, ходить совсем голой она любила, она была лишена стеснения. Позднее, когда она собиралась на бал, мы с мамой любили смотреть, как она одевается, надевает нижнее белье, пристегивает шелковые чулки, обувает серебряные туфельки и облачается в лиловое платье с четырехугольным вырезом. Я немела от восторга, глядя на нее».

В 1908, когда Лили готовилась к экзамену на аттестат зрелости, в ее жизни снова появился учитель музыки Григорий Крейн, и они стали общаться. Они играли вместе на скрипке, говорили о музыке – на Лили производила впечатление вольность, с которой он относился к классикам: Бетховен отвратителен, Чайковский вульгарен, а Шуберту следовало бы провести жизнь в пивной. Однажды Крейн лишил её невинности – пока другая его подруга мыла посуду в соседней комнате. «Мне не хотелось этого, – вспоминала впоследствии Лили, – но мне было 17 лет, и я боялась мещанства».

Девушка забеременела. Она попросила мать уехать с ней, не рассказав, что ждет ребенка. Поскольку Елена Юльевна не испытывала особых симпатий к Крейну, она обрадовалась возможности увезти от него дочь и предложила поехать в Ниццу или Италию. Но Лили попросила, чтобы они поехали в Армавир, где, как она надеялась, тетушка Ида, «человек спокойный, благотворно подействует на маму», когда та узнает правду.

Эффект оказался противоположным: когда Лили рассказала о своей беременности и намерении сохранить ребенка, мать и тетушка в отчаянии потребовали, чтобы она сделала аборт. Настроение едва ли поправила телеграмма, полученная из Москвы от отца: «ЗНАЮ ВСЕ. НЕГОДЯЙ ПРИСЛАЛ ПИСЬМА». Уверенный в том, что Лили увезли против ее воли, Крейн отправил ее отцу письма, в которых рассказывал, как сильно они любят друг друга...

После пережитого ей не хотелось возвращаться в Москву, и она отправилась ко второй тетушке в Тбилиси. В поезде познакомилась с офицером, с которым кокетничала всю ночь напролет, сидя в коридоре на ящике с копчеными гусями. Узнав, что Лили еврейка, офицер утешил ее тем, что она женщина – и, если повезет, сможет выйти замуж за православного. «Ухаживал он очень бурно, – вспоминает Лили, – и даже вынимал револьвер, грозил застрелить, если не поцелуюсь, но я не поцеловалась и осталась жива». В Тбилиси число поклонников лишь возросло: к Лили посватался состоятельный еврей, пообещав ей 2 тысячи рублей в месяц только на наряды, а получивший образование в Париже татарский князь настойчиво звал ее с собой в горы; Лили, возможно, была бы не прочь, но тетушка резко запротестовала...

После Грузии Лили направилась в прусский город Катовичи (в современной Польше), где воссоединилась с матерью и Эльзой. Здесь жил брат Елены Юльевны. Даже дядя Лео не смог противостоять скороспелому обаянию Лили, он вдруг кинулся ее целовать и требовать, чтобы она вышла за него замуж. Лили горько жаловалась матери, что «ни с кем нельзя слово сказать, сейчас же предложение»: «Вот видишь, ты меня всегда винишь, что я сама подаю повод, а сейчас твой собственный брат, какой же тут повод?» Елена Юльевна была справедливо возмущена поведением брата, но не знала, плакать ей или смеяться. Может быть, она наконец поняла, что дочь права, утверждая, что все эти неконтролируемые всплески эмоций происходят не по ее вине...

По возвращении в Москву Лили возобновила учебу у профессора Герье, однако воспоминания о событиях в Армавире не оставляли ее. То, что с ней там сделали – причем с согласия матери, – было для нее глубоким оскорблением. В ящике письменного стола Лили теперь хранила пузырек с цианистым калием. Однажды утром она целиком проглотила его содержимое, подождала минуту и начала истерически рыдать. Целый день провела в постели, а следующим утром отправилась на занятия.

Она не понимала, почему не умерла. Позднее ей станет известно, что в поисках писем от Крейна мать открыла ее письменный стол и нашла яд, вымыла пузырек и наполнила его содовым порошком. После этой находки Елена Юльевна следила за Лили, опасаясь, что та бросится под трамвай.

«У Герье я проучилась два семестра, но мне лень было ездить далеко, на Девичье поле, и поэтому я перешла на Архитектурные курсы на Никитской, опять сдавала экзамены. Там я увлеклась лепкой»³

---

³ Стр.17 В. В. Катанян «Лили Брик. Жизнь»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.